

Роль институтов в цивилизационном расколе (на примере христианства)

Павел Александрович Барахвостов✉

Белорусский государственный экономический университет, Минск,
Белоруссия
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Аннотация. Геополитические трансформации последних десятилетий актуализировали исследования цивилизационных различий Востока и Запада. Среди факторов, способствовавших их формированию, наиболее часто называют религию, подтверждая данный тезис примером раскола христианской церкви на римско-католическую и православную церкви и, как следствие, возникновения западно- и восточнохристианской цивилизаций. Как правило, авторы «вычленяют» религию из социальной системы, рассматривая ее независимо от всех остальных сфер, как первичный фактор, запускающий выделение цивилизации. В настоящей работе возникновение новой цивилизации, в том числе западно- / восточнохристианской, рассмотрено в рамках институционального подхода, как процесс формирования сложной институциональной структуры, состоящей из комплекса взаимосвязанных и взаимозависимых экономических, политических, социокультурных институтов, в том числе религии. Данный процесс может начаться в недрах «материнской» цивилизации, вызвав ее кризис, этапы развития и разрешения которого проанализированы на примере раскола единого христианского мира с использованием матричного подхода, предполагающего, что цивилизация характеризуется цивилизационной матрицей, образованной институциональным ядром, содержащим одновременно на условиях доминантности – комплементарности рыночные и редистрибутивные институты, и оболочкой, включающей культурно-религиозные и национально-демографические особенности, природно-климатическую и материально-технологическую среду. Показана необходимость как укрепления доминантных институтов в институциональном ядре, так и создания балансиров (комплементарных институтов) для устойчивого развития цивилизации.

Ключевые слова: цивилизационная матрица, институциональное ядро, рыночные институты, редистрибутивные институты, институциональная матрица, религия

Для цитирования: Барахвостов П.А. Роль институтов в цивилизационном расколе (на примере христианства) // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 1(11). С. 142-157, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-142-157](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-142-157)

The Role of Institutions in the Civilization Schism (the Case of Christianity)

Pavel A. Barakhvostov✉

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Abstract. The geopolitical transformations of recent decades have added to the topicality of the study of civilizational differences between the East and the West relevant. Religion is often cited as a contributing factor to these differences. This can be confirmed by the example of the split of the Christian Church into the Roman Catholic and Orthodox churches and, as a consequence, the emergence of the Western and the Eastern Christian civilizations. As a rule, the authors “isolate” religion from the social system, considering it independently of all other spheres, as the primary factor that triggers the emergence of civilization. In this work, the emergence of a new Western and Eastern Christian, is considered within the framework of the institutional approach, as a process of formation of a certain complex institutional structure that regulates the life of society and consists of a whole complex of interconnected and interdependent economic, political, and socio-cultural institutions, including religion. This process can begin in the bowels of the “mother” civilization, causing its crisis. The stages of development and resolution of such a crisis are analyzed using the example of a split in the united Christian world using a matrix approach. This approach assumes that civilization is characterized by a civilizational matrix formed by an institutional core that simultaneously contains market and redistributive institutions on the basis of dominance/complementarity, and a shell that includes cultural-religious and national-demographic characteristics, the natural-climatic and material-technological environment. The necessity of both strengthening dominant institutions in the institutional core and creating balancers (complementary institutions) for the sustainable development of civilization is shown.

Keywords: civilizational matrix, institutional core, market institutions, redistributive institutions, institutional matrix, religion

For citation: Barakhvostov P.A. The Role of Institutions in the Civilization Schism (the Case of Christianity). Russia & World: Scientific Dialogue. 2024, 1(11): 142-157, [doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-142-157](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-142-157)

Введение

Геополитические и геоэкономические трансформации последних десятилетий, до неузнаваемости изменившие современный мир, актуализировали исследования дихотомии «Восток – Запад». Особенности географического расположения делают данную проблему исключительно важной для России, находящейся одновременно и в Европе, и в Азии. Проблематика противостояния Востока и Запада и роль России в нем занимала многих российских мыслителей, в частности Н.Я.Данилевского [9], Л.Н.Гумилёва [8], К.Н.Леонтьева [16], выявивших его основу – цивилизационные противоречия. Представляет интерес установление обусловивших их факторов.

Среди них довольно часто называют религию, в качестве примера рассматривая постфактум сформировавшиеся различия (противоречия) западно- и восточнохристианской цивилизаций как следствие раскола христианской церкви на две части: римско-католическую и православную. Роль религиозного фактора при формировании двух христианских миров на протяжении десятилетий исследуется историками [13, 15, 20, 21, 22, 26, 27], философами [5, 14, 25, 28, 29, 32], политологами и правоведами [19, 23, 30], богословами [11, 18, 24]. Как правило, авторы вычленяют религию из социальной системы, рассматривают ее независимо от всех остальных сфер, как первичный фактор, запускающий процесс выделения цивилизации. Однако действительно ли это так, ведь религия – лишь один из институтов общественной системы? Для ответа на этот вопрос в настоящей работе возникновение новой цивилизации рассмотрено как процесс формирования определенной сложной институциональной структуры, регулирующей жизнь социума и состоящей из целого комплекса взаимосвязанных и взаимозависимых экономических, политических, социокультурных институтов, в том числе религии. Данный процесс может начаться в недрах «материнской» цивилизации, вызвав ее кризис, этапы развития и разрешения которого проанализированы на примере раскола единого христианского мира.

Материалы и методы

В работе используется интегральный институциональный подход [1; 4; 10; 35]. В его основе – идея о том, что эволюция цивилизации определяется ее цивилизационной матрицей (ЦМ), образованной взаимосвязанными элементами (оболочкой, включающей культурно-религиозные и национально-демографические особенности, природно-климатическую и материально-технологическую среду), и институциональным ядром – сложной системой институтов («правил игры», определяющих направленность социальных действий [36]), обеспечивающих функционирование всей системы. В институциональном ядре можно выделить институциональную матрицу, образованную базовыми институтами – «глубинными, исторически устойчивыми и постоянно воспроизводящимися социальными отношениями, обеспечивающими интегрированность разных типов обществ, историческими инвариантами, которые

позволяют обществу выживать, сохранять свою целостность и развиваться в данной ему материальной среде» [12].

Базовые институты бывают двух типов: редистрибутивные и рыночные. В соответствии с работами С.Г.Кирдиной [12], к базовым редистрибутивным институтам относятся: в экономической сфере – общественная собственность, перераспределение (аккумуляция – согласование – распределение с обязательным участием Центра); в политической сфере – унитарно-централизованное политическое устройство, иерархическая вертикаль власти; в социокультурной сфере – коммунитарное мировоззрение, которое выражает осознание приоритетности «Мы» над «Я», эгалитаризм.

Базовые рыночные институты: в экономической сфере – частная собственность, купля-продажа как институт обмена, наёмный труд, конкуренция; в политической сфере – федеративное политическое устройство, самоуправление и субсидиарность; в социокультурной сфере – индивидуалистское мировоззрение, выражающее доминирование «Я» над «Мы».

В институциональной матрице базовые институты двух типов (редистрибутивные и рыночные) сосуществуют на принципах доминантности – комплементарности [12]. Аналогично в институциональном ядре также можно обнаружить институты альтернативных типов, причем доминирующий тип совпадает с таковым в институциональной матрице.

Цивилизационная матрица не является раз и навсегда заданной конструкцией. В процессе социокультурной динамики, обусловленной влиянием как эндогенных, так и экзогенных факторов, она реконструирует свои элементы. Возникает вопрос: при каких условиях возникает цивилизационный кризис и какому состоянию цивилизационной матрицы он соответствует? Каким образом развивается кризис и каковы способы его разрешения? Данные проблемы будут проанализированы в настоящей работе на примере распада римской цивилизации и рождения западно- и восточнохристианских цивилизаций.

Результаты исследования

В процессе рождения западно- и восточнохристианской цивилизаций можно выделить несколько стадий, каждая из которых ассоциирована с определенной фазой кризиса «материнской» римской цивилизации. Далее проанализированы их особенности.

Западная Римская империя и Восточная Римская империя: зарождение и развитие цивилизационного кризиса

В 330 г. центр Римской империи, испытывавшей колоссальное давление воинственных племен варваров, переместился в более спокойные и богатые восточные провинции, где на берегу Босфора располагался древний греческий город-колония

Византий. Однако в силу огромной протяженности и, как следствие, плохой управляемости Римской империи разразился внутренний экономический и политический кризис, и в 395 г. она разделилась на две части: Западную (латинскую) и Восточную (греческую) Римские империи. Языковые и культурные различия между ними (различия в социокультурных институтах) обусловили центробежные тенденции, что послужило началом I стадии цивилизационного кризиса. Западная часть империи оказалась соседствующей и, следовательно, подверженной диффузии (проникновению) институтов германских, а восточная – азиатских племен и империй. Главным интегрирующим фактором являлась единая христианская религия, однако в силу книгопечатания на различных языках в западной и восточной частях Римской империи обнаруживались отличия даже в литургических текстах.

В результате падения Рима под натиском варваров Италия оказалась под готским владычеством. «Готские государи не были преследователями католичества, но сознание того, что живешь без защиты, заставило епископов сплотиться в более солидарный союз» [2, с. 457]. Возникла сила, которая могла противостоять слабой государственной власти в варварских королевствах раннего Средневековья, – церковь. Функции правления в городах взяли на себя епископы [7]. Так, «итальянский епископат воспитан был в сознании своей полной церковной независимости» [2, с. 457].

Несмотря на колоссальные разрушения, началось восстановление земель бывшей Западной Римской империи. Этому благоприятствовали географические преимущества Западной Европы: мягкий климат, теплое морское течение Гольфстрим, наличие рек, ведущих к морю, что способствовало развитию земледелия и торговли; разнообразие природных ландшафтов, обусловивших развитие различных форм хозяйствования; удаленность от наиболее агрессивных племен и империй того времени, вследствие чего не было необходимости в организации сильного централизованного государства для обеспечения защиты. Западная Европа унаследовала от римлян и греков ряд передовых для своего времени технологий (например, в сельском хозяйстве – виноградарство и виноделие, технологии градостроительства, водоснабжения, дорожного строительства) и институциональных наработок (институты полисной демократии, рациональное правосознание, идеи «общего блага», защищенной правом частной собственности, достоинства свободного человека). Из Восточной Римской империи вследствие диффузии институтов на эти земли пришли монетная система, законодательные своды, опыт государственного управления, ряд культурных достижений восточных цивилизаций.

В то же время значительное влияние оказали институциональные наработки древних германских народов: акцент на личные и групповые права свободных людей, подотчетность власти сообществу. Огромную интегрирующую роль сыграл латинский язык, понимаемый повсюду в Западной Европе, литургический язык западнохристианской церкви. Отсутствие препятствий в коммуникации стимулировало распространение идей и технических инноваций.

Как следствие воздействия множества вышеперечисленных факторов, в Западной Европе началось формирование и укрепление институтов рыночного типа: в

экономике – частной / личной собственности, товарно-денежного обмена; в политической сфере – органов сословного представительства, самоуправления; в социокультурной сфере – элементов индивидуалистского мировоззрения. Одновременно шло усиление ветви духовной власти (западнохристианской церкви), для которой была характерна высокая степень централизации, присущая институтам редистрибутивного типа. В совокупности это явилось балансирующим, препятствовавшим зарождению деспотий восточного типа при преодолении раздробленности и становлении крепкой центральной власти в Западной Европе.

В другой, восточной, части некогда единой Римской империи развитие пошло другим путем. Для окруженной врагами Византии одной из первоочередных задач была защита от внешней агрессии. Эту функцию могло выполнить только сильное государство. Причем победа могла быть достигнута лишь при доминировании «Мы» над «Я». Таким образом, необходимым условием выживания социума в данном случае было доминирование в институциональной матрице редистрибутивных институтов. Византия – это общественная система, спаянная духом боевого коллективизма.

Вместе с тем здесь причудливым образом соединились как новые институты, так и институциональные наработки Римской империи, игравшие роль балансира. Во главе Византии – император, однако в период раннего Средневековья еще отсутствовал порядок престолонаследия. Формально считалось, что императора избирает сенат, армия и народ в лице своеобразных партий. При императоре существовал постоянный совещательный орган – сенат (синклит), который обсуждал вопросы внешней и внутренней политики, рассматривал законопроекты, направляемые на утверждение императором, назначал высших должностных лиц, осуществлял судебные функции по наиболее важным уголовным делам. Во главе центрального государственного управления стоял Государственный совет (Консistorий) – совещательный орган, обсуждавший все текущие вопросы государственного управления и осуществлявший судебные функции. Тем не менее решающей роли в жизни общества данные органы не играли. Впоследствии у сената в пользу императорской власти было изъято право рассматривать законопроекты и назначать высших должностных лиц империи, что свидетельствует об укреплении редистрибутивных институтов.

Местное управление первоначально строилось на принципах разделения военного и гражданского управления. Местные общины управлялись выборными чиновниками под контролем государственных (назначаемых) чиновников. Но под воздействием военной угрозы во многих регионах образуются новые административные единицы – фемы, где военная и гражданская власть сосредотачивалась в руках назначаемого командующего военными подразделениями, размещенными на этой территории.

Вообще сильная армия – стержень общественной системы Византии. В доиндустриальном обществе одним из главных источников дохода являлась земля. В Византии наиболее распространенный способ её получения – как вознаграждение за воен-

ную службу. В VII в. из числа свободных крестьян-общинников было создано особое военное сословие стратиотов. Земля стратиотов не могла отчуждаться и переходила по наследству к одному из сыновей, который должен был нести службу.

Потребности содержания армии обусловили создание системы централизованного перераспределения доходов – государственных налоговых сборов и раздач, что, как следствие, привело к возникновению огромного бюрократического аппарата. Служба чиновников и военных оплачивалась золотыми монетами, выпуск которых монополизировало государство. Те, в свою очередь, покупали на них всё необходимое для жизни. «Растекающиеся» по Византии монеты возвращались государству в виде налогов. Государственное регулирование объема выпускаемых монет обусловило возможность управления хозяйственной жизнью: если монет выпускалось больше, производители вынуждены были продавать свою продукцию по заниженным ценам.

Крестьяне платили ренту монетами в виде налога государству. Эта рента была намного выше крестьянских платежей в Западной Европе и зачастую оказывалась неподъемной, что обусловило возникновение особой формы закрепощения – централизованной, которая тормозила развитие частных поместий, усиление власти землевладельцев и, следовательно, формирование сильного класса, который мог бы сбалансировать чрезмерное усиление ветви государственной власти. Примечательно, что здесь не найти таких замков, как на Западе. Знать предпочитала жить в городах, причем не во всех, поскольку в течение III–V вв. широко практиковалась политика «рационализации» распределения городов: многие из них в густонаселенных регионах были лишены своего статуса и привилегий, что опять-таки было связано с необходимостью увеличения налоговых поступлений в казну. Центральные власти стали непосредственно контролировать городские фискальные дела и использовать местную власть преимущественно как оценщиков и сборщиков налогов. К середине VI в. только государство могло позволить себе инвестировать в строительство зданий в городах – как правило, оборонительных или административных сооружений. К концу VI в. города фактически утратили подавляющую часть своей самостоятельности и более не выполняли роль культурных очагов. Упадок городов, а следовательно, слабое развитие ремесленно-промышленной деятельности, не дали развиваться (как в Западной Европе) «третьему сословию», с присущими ему ценностями индивидуализма.

При таком упадке провинциальных, мелких городов столица Византийской (Восточной Римской) империи Константинополь процветал. Главной целью для каждого было занять определенное место в имперской системе. Благополучие представителей господствующего класса гораздо сильнее зависело от их места в иерархии государственной власти, чем от унаследованной и приобретенной собственности. Для Византии характерно нерасчлененное единство властных и собственных функций, т.е. институт власти-собственности [6].

Таким образом, в Византийской империи формировалась институциональная матрица с доминированием редистрибутивных институтов, что, как правило, харак-

терно для восточных гидравлических обществ (термин введен К.Виттфогелем [37]). Как заметил И.Бродский, «Византия была мостом в Азию, но движение по нему шло в обратном направлении» [3, с. 373]. Главной причиной этого явилась обусловленная внешними факторами милитаризация Византии.

В условиях жесткого господства и подчинения в государстве (доминирования политических институтов редистрибутивного типа) восточнохристианская церковь стремилась сохранять определенный демократизм внутри себя, выполняя тем самым компенсаторную функцию, балансируя институциональные перекосы в институциональном ядре. Восточнохристианская церковь являлась представительным органом для всех христиан, проживавших как на территории империи, так и за ее пределами. Решения, касавшиеся церковной жизни, принимались большинством голосов и имели обязательную силу для всех. В раннесредневековой Византии в работе соборов наряду с клиром участвовали и миряне. Жизнь церкви между соборами направлялась и регулировалась на основании достижения консенсуса Вселенскими патриархами при отсутствии строгой иерархии между ними. Если в Западной Европе существовало две сильные ветви власти – светская и духовная, представленная западнохристианской церковью, то в Византии взаимоотношения церкви и государства выстраивались по принципу союза («симфонии»).

Таким образом, к середине VII в. институциональное ядро некогда единой Римской империи разделилось на две части: западную и восточную с альтернативными институциональными матрицами (на Западе доминировали рыночные, а на Востоке – редистрибутивные институты). Религия как институт на западе и востоке Римской империи нашла отражение в институциональных формах альтернативного типа, соответствующих комплементарным институтам частей разделенного институционального ядра. Эти различные институциональные формы оказывали соответствующее воздействие на культурно-религиозные особенности – оболочку ЦМ, что привело к ее существенной пространственной деформации. Цивилизационный кризис в Римской империи перешел в следующую, II стадию.

Развитие цивилизационного кризиса (VII–IX вв.)

К середине VII в. вследствие экспансии арабских племен Византия потеряла значительное количество своих земель: Египет, Иерусалим, Сирию и Антиохию. В составе империи остались только греческие территории, поэтому стала забываться латынь, что негативно отразилось на торговых контактах с Западной Европой и развитии ремесел. Государство стало в значительной степени деурбанизированным, опиравшимся на крестьянскую общину с ее коллективной ответственностью (редистрибутивный институт). Римская служебная аристократия постепенно превратилась в церковную и правительственную служебную элиту, стремившуюся осесть в Константинополе и его окрестностях, поближе к императору. Уменьшилась экономическая мощь и независимость верхних слоев общества при соответствующем усилении императорской власти.

Окончательно оформилась византийская властная модель, которая составила основу первой в истории христианской идеологии: император (вождь народа и армии) и действующая под его опекой церковь (хранительница нравственных устоев государства и общества). Активно внедряя данную модель, императоры наделяли церковь и её важный структурный элемент – монастыри – огромными владениями и привилегиями, что, с другой стороны, ограничивало возможности раздач земель за службу.

Необходимость жить в состоянии постоянной военной угрозы (особенно на азиатских окраинах империи) и тяжелое экономическое положение обусловили рост недовольства, упадок культуры и всплеск суеверий. Константинополь тех времен представлял собою «ковчег, полный мощей и иных религиозных реликвий» [31], отношение к которым со стороны малограмотного населения граничило с языческим идолопоклонством. Это явилось основанием иконоборчества, развернутого императором Львом III Исавром. Для религиозного обоснования своих действий иконоборцы использовали тезис о невозможности достойно изобразить Христа, поскольку он не являлся человеком в обычном смысле. Кроме борьбы с иконопочитанием иконоборчество предполагало усиление власти государства в церковных делах, т.е. усиление элементов редистрибуции в религиозных институциональных формах, в частности, секуляризацию монастырской земельной собственности. Реализация подобной политики приводила к устранению балансирующих институциональной матрицы, роль которых играет религия, и к чрезмерному усилению доминирующих редистрибутивных институтов.

Римские папы увидели в иконоборчестве победу цезарепапизма¹, впервые заявив о противоречиях принципов государственно-церковных отношений, сложившихся на Востоке и Западе, что послужило началом противостояния восточно- и западнохристианской церквей, завершившегося схизмой, которая продлилась около ста лет и сформировала «трещину» в оболочке (культурно-религиозных особенностях) римской цивилизационной матрицы. К ее окончанию бывшая Римская империя оказалась разделенной как в административном, так и в религиозном плане. Таким образом, де-факто в результате развития цивилизационного кризиса появились два христианских мира (западный и восточный).

К началу второго тысячелетия римская цивилизационная матрица обладала не только двумя различными институциональными ядрами, но и расколотой оболочкой. Великий раскол 1054 г., в результате которого западнохристианская и восточнохристианская церкви де-юре разделились, образовав соответственно римско-католическую и православную церкви, формально зафиксировал окончательный распад римской цивилизационной матрицы, который явился способом разрешения цивилизационного кризиса.

1 Цезарепапизм – термин, обозначающий форму правления, при которой глава светской власти – император (цезарь) фактически являлся одновременно главой церкви (папой). URL: <http://ponjatija.ru/taxonomy/term/4619>.

Преодоление последствий раздела цивилизаций

Благоприятное расположение Западной Европы способствовало укреплению рыночных институтов в институциональном ядре. Демографический взрыв в начале второго тысячелетия вызвал активную колонизацию пустующих европейских земель. Возникали новые поселения, процветали города, находившиеся под патронажем феодалов и королей, заинтересованных в развитии торговли, которая обеспечивала приток пошлин. Рост торговли требовал развития инфраструктуры (хороших и безопасных дорог, мостов). Появились новые ремесла (например, производство сукна), которые стали приносить большой доход.

Как правило, ремесленники, составляющие основное население города, объединялись в особые социальные корпорации (цеха), представляющие собой институт гибридного типа, который нередок в обществах переходного типа [34]. С одной стороны, цеха создавались для того, чтобы помочь выстоять вчерашним крестьянам в новых условиях, в их основе – идея о том, что только коллектив может быть силой. Цеха отличались строгой организацией и изолированностью от внешнего мира, что предполагало преимущественное общение и даже браки внутри такого объединения. В этом плане цеха представляют собой институт, обладающий чертами редистрибутивного типа. Однако руководство цехом было выборное. Кроме этого, отсутствовал уравнительный принцип распределения доходов цеха, вследствие чего данный институт обладал также характеристиками рыночного типа.

Богатые члены цехов, торговцы, землевладельцы составляли выборные органы городского управления. Автономия или даже независимость города от власти феодала нередко достигалась путем выкупа. Независимые города устанавливали между собой связи, создавали агломерации или даже союзы, как это было, например, в случае Ганзейского союза. Таким образом, экономические рыночные институты приводили к возникновению и укреплению институтов политических и социокультурных (индивидуалистского мировоззрения).

Достаточно сильной на Западе была ветвь духовной власти – римско-католическая церковь. Между римскими папами и европейскими королями развернулась настоящая битва за политическое господство. Ее этапами явились: борьба за совместное участие представителей духовных и светских властей при актах инвеституры вассалов-епископов, признание непогрешимости пап, право совершать военные действия в различных регионах мира от имени Бога (крестовые походы). Церковью были созданы особые военизированные структуры, которые являлись передовым отрядом крестовых походов и колонизации новых христианизированных земель – духовно-рыцарские ордена. Их членами, как правило, становились младшие сыновья в феодальных домах (в силу существовавшего в Западной Европе права наследования (майората) они не имели возможности рассчитывать на отцовские владения). Сглаживая возможные социальные последствия майората, католическая церковь явилась активным участником формирования западной цивилизации [33].

Тем не менее с начала XIV в. римская церковь начинает терять свое влияние в Западной Европе, что не в последнюю очередь связано с модификацией данного института – проникновением в его структуру рыночных элементов в виде торговли индульгенциями. Окончательно определяется западноевропейский путь развития на последующие столетия: доминирование светской власти при достаточно сильной власти духовной, выполняющей роль институционального балансира, и укрепляющихся рыночных институтах.

Параллельно оформлялась цивилизационная матрица Византии, образованная институциональным ядром редистрибутивного типа и оболочкой, специфика которой определялась доминирующей православной верой, этническим многообразием, близостью Средиземного моря, сильным влиянием римской и греческой культур и технологий и постоянной угрозой существованию империи. Пребывание империи в состоянии перманентной войны обусловило материальные расходы, съедавшие ежегодно до 70% бюджета, и, как следствие, консервацию существовавших порядков [17]. Не экономическая сфера определяла политическую, а наоборот. Г.Г.Литаврин отмечал, что Византийская империя – единственная страна европейского Средневековья, в монархическом строе которой сохранились черты древних азиатских деспотий, где подданные лишь постольку и до тех пор обладали собственностью, поскольку и пока это было угодно деспоту. При этом своеобразной собственностью были и сами подданные [17].

В ситуации высоких жизненных рисков расходы императора было достаточно трудно просчитать заранее, поэтому за ним признавалось право собирать не только обычные, но и чрезвычайные налоги. В то же время государство являлось гарантом сельской общины в случае неурожая. Это обусловило развитие государственного патернализма и «моральной экономики», которая культивировала превалирование «Мы» над «Я», представление о традиции как высшей ценности в сравнении с новациями, уравнивательные ценности.

Тем не менее институциональное ядро византийской ЦМ содержало не только доминирующие редистрибутивные институты, но и комплементарные рыночные в виде формирующегося частного землевладения и товарно-денежных отношений в развивающихся провинциальных городах, оспаривавших торгово-ремесленную монополию Константинополя. Однако эти институты были слабыми, а нахождение в агрессивной внешней среде не позволило им развиваться и выполнить свою функцию институционального балансира.

Несбалансированность институционального ядра Византии (чрезмерное усиление редистрибутивных институтов при крайне слабом развитии рыночных) не позволила ей преодолеть последствия цивилизационного кризиса.

Таким образом, проведенное исследование показывает первичность институциональных различий Западной и Восточной Римских империй как фактора, обусловившего цивилизационный кризис и в конечном итоге раскол между западнохристианской и восточнохристианской цивилизациями. Выделены стадии этого процесса. Показано, что I стадия характеризуется появлением гетерогенности институционального ядра ЦМ; данная стадия проявилась в разделе Римской империи

на западную и восточную части. На следующей, II стадии имеют место разделение институционального ядра на части с альтернативными институциональными матрицами и деформация «оболочки» (культурно-религиозных особенностей), что наблюдалось к середине VII в. III стадия цивилизационного кризиса характеризуется появлением трещины оболочки, охватывающей все ее компоненты. Данная стадия завершается цивилизационным расколом, что имело место в 1054 г. при разделе западнохристианской и восточнохристианской церквей де-юре.

Показано, что для развития цивилизации необходимо укрепление доминантных институтов в институциональном ядре и создание балансиров (комплементарных институтов), способствующих устойчивому развитию социума.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует, что причиной цивилизационного раскола является возникновение в недрах «материнской» цивилизации двух пространственно-разделенных институциональных систем (ядер цивилизации), включающих институциональные матрицы альтернативных типов. Цивилизационный кризис характеризуется достаточно продолжительным стадийным развитием и может завершаться, как в случае римской цивилизации, расколом, проявляющимся, в частности, в культурно-религиозных особенностях образовавшихся «осколков». Условием формирования из них новых цивилизаций является укрепление доминантных институтов в новом институциональном ядре и создание балансиров (комплементарных институтов).

Список источников

1. Барахвостов П.А. Особенности цивилизационного пограничья: интегрально-институциональный анализ [Features of the civilizational frontier: an integral institutional analysis] // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2020. Т. 12. № 1. С. 119–126.
2. Болотов В. В. История Церкви в период Вселенских Соборов: История богословской мысли [History of the Church during the period of the Ecumenical Councils: History of theological thought]. М.: Поколение, 2007.
3. Бродский И. Форма времени [Form of the time]. Т. 2. Минск: Эридан, 1992.
4. Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А. К созданию институциональной политической экономики [Towards an Institutional Political Economy creation] // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3. С. 17–24.
5. Бурлака Д.К. Религия и Церковь [Religion and Church] // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2005. № 6. С. 7–54.
6. Васильев Л.С. Законы эволюции и проблемы человечества: препринт WP17/2011/03 [Evolution laws and problems of Mankind: preprint WP17/2011/03]. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
7. Гергей Е. История папства [History of the papacy]. М.: Республика, 1996.
8. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь [Ancient Rus' and the Great Steppe]. М.: Мысль, 1989.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому [Russia and the Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance]. СПб.: Н. Страхов, 1895.

10. Дементьев В.В. Институциональная политическая экономия: с чего начать? [Institutional political economy: where to start?] // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 1. С. 25–44. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.1.025-044.
11. Каллист У. Православная Церковь [The Orthodox Church]. М.: Дух и Литера, 2004.
12. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию [Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory]. СПб.: Нестор-История, 2014.
13. Костромин К.А. Разделение церквей в контексте общеевропейской международной политики IX–XII вв. [The division of churches in the context of pan-European international politics in the 9th–12th centuries] // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. № 1. С. 14–22.
14. Ле Гофф Ж. Рождение Европы [Birth of the Europe]. СПб.: Александрия, 2008.
15. Лебедев А.П. История разделения церквей в IX, X и XI веках [The churches division history of the 9th, 10th and 11th centuries]. М.: RUGRAM_Пальмира, 2022.
16. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Избранное [Byzantism and Slavism. Selected works]. М.: «Рарог», «Московский рабочий», 1993.
17. Литаврин Г.Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. [The geopolitical position of Byzantium in the medieval world in the VII–XII centuries] // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб.: Алетейя, 2001.
18. Мартынов О.П. О причинах расхождения мировоззрений христианских Востока и Запада [On the reasons for the divergence of the worldviews of the Christian East and West] // Рязанский богословский вестник. 2018. № 2. С. 54–68.
19. Орлов М. Религиозно-культурный фактор как условие трансформации международных и правовых отношений [Religious and cultural factor as a condition for the transformation of international and legal relations] // Власть. 2008. № 5. С. 66–69.
20. Перепёлкин Л.С. Фобии в Европе как механизм межцивилизационного размежевания [Phobias in the Europe as a mechanism of intercivilizational disengagement] // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2018. Т. 10. С. 80–89. DOI: 10.30936/222779512018108089.
21. Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.) [Christian Church History (before the division of the Churches – 1054)]. Киев: Христиан. Благодворит.-просвет. асоц. «Путь к истине», 1991.
22. Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия [Eastern Schism. Byzantine theocracy]. М.: Восточная литература, 1998.
23. Сальников В.П., Романовская Л.Р. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? [“Orient” or “oxident”: which way is the Russian eagle facing?] // Мир политики и социологии. 2014. № 11. С. 11–15.
24. Синайский А. Отношения древнерусской церкви и общества к латинскому Западу (католицизму) (X–XV вв.) [Relations of the Ancient Russian Church and society to the Latin West (Catholicism) (X–XV centuries)]. СПб.: Тип. СПб. акционер. общества «Издатель», 1899.
25. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад [Civilization on trial the world and the west]. М.: АСТ, 2011.
26. Треушников И.А. Основные аспекты проблемы «Запад – Восток» в историософии всеединства [The main aspects of the problem “West – East” in the historiosophy of the unity] // Вестник Московского университета, Серия 7: «Философия». 2009. № 2. С. 30–40.
27. Филонов В.И. Взаимоотношение православия и католичества в контексте этнокультурной самоидентичности Европы: историко-политический аспект [The Orthodoxy and Catholicism Relationship in the context of the Europe ethnocultural self-identity: historical and political aspect] // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С.120–123.
28. Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.) [At the origins of the religious schism of the Slavic world (XIII century)]. СПб.: Алетейя, 2004.
29. Фрис В. Православие и католичество. Противоположность или взаимодополнение? [Orthodoxy and Catholicism. Opposite or Complementary?] Брюссель: Жизнь с Богом, 1992.
30. Шишова М.И. Проблема государства и церкви в религиозно-философской концепции метафизики культуры [The problem of relations between the state and the church in the religious and philosophical concept of the metaphysics of culture] // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. № 4. С. 260–267.
31. Шмеман А. Все монархи мира: Древняя Греция, Древний Рим, Византия [All the monarchs of the world: Ancient Greece, Ancient Rome, Byzantium] / Под ред. К. Рыжова. М.: Вече, 1999.
32. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории [The Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History]. М.: Мысль, 1993.

33. Barakhvostov P. The Inheritance Rights in the Process of Formation and Evolution of Institutional Matrices // Mir Rossii. 2022. V. 31. № 2. P.163–173. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-163-173.
34. Beck U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // The risk society and beyond: critical issues for social theory / B. Adam, U. Beck, J. Van Loon (Eds.). London: Sage Publications, 2007. P.211–230.
35. Hodgson G.M. What is the essence of institutional economics? // Journal of Economic Issues. 2000. V. 34. № 2. P. 317–329.
36. North D.C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. V. 5. № 1. P. 97–112.
37. Wittfogel K.A. Oriental Despotism. Comparative study of total power. New Haven, London: Yale University Press, 1963.

Информация об авторе

БАРАХВОСТОВ Павел Александрович. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Адрес: 220070, Белоруссия, г. Минск, Партизанский проспект, 26. barakhvostov@yandex.by

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 ноября 2023 г. Одобрена после рецензирования: 25 декабря 2023 г. Принята к публикации: 14 января 2024 г. Опубликовано: 20 марта 2024 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Barakhvostov P.A. Features of the civilizational frontier: an integral institutional analysis. Vesnik Grodzenskaga dzjarzhaŭnaga universitjeta imja Janki Kupaly. Seryja 1. History and archaeology. Philosophy. 2020; 12 (1) 119-126 [In Russian].
2. Bolotov V.V. History of the Church during the period of the Ecumenical Councils: History of the theological thought. Moscow: Pokolenie, 2007 [In Russian].
3. Brodsky I. Form of the time. T. 2. Minsk: Eridan, 1992 [In Russian].
4. Boyer R., Brousseau E., Kaye A. Towards an Institutional Political Economy creation. Jekonomicheskaja sociologija. 2008; 9 (3):17–24. [In Russian].
5. Burlaka D. K. Religion and Church. Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2005; 6: 7–54 [In Russian].
6. Vasiliev L.S. Evolution laws and problems of Mankind: preprint WP17/2011/03. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshjej shkoly jekonomiki, 2011 [In Russian].
7. Gergey E. History of the papacy. Moscow: Republic, 1996 [In Russian].
8. Gumilyov L.N. Ancient Rus' and the Great Steppe. Moscow: Mysl', 1989 [In Russian].
9. Danilevsky N.Ya. Russia and the Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance] St. Petersburg: N. Strakhov, 1895 [In Russian].

10. Demytyev V.V. Institutional political economy: where to start? Zhurnal institucional'nyh issledovanij. 2015; 7 (1):25-44 [In Russian]. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.1.025-044.
11. Callistus W. The Orthodox Church. Moscow: Izdatel'stvo Duh i Litera, 2004 [In Russian].
12. Kirdina S.G. Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory. St. Petersburg: Nestor-History, 2014 [In Russian].
13. Kostromin K.A. The division of churches in the context of pan-European international politics in the 9th–12th centuries. Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2015; 14 (1):14-22 [In Russian].
14. Le Goff J. Birth of the Europe. St. Petersburg: Alexandria, 2008 [In Russian].
15. Lebedev A.P. The churches division history of the 9th, 10th and 11th centuries. Moscow: RUGRAM_Palmira, 2022 [In Russian].
16. Leontiev K.N. Byzantium and Slavism. Selected works. Moscow: Rarog, Moscow Worker, 1993 [In Russian].
17. Litavrin G.G. Geopolitical position of Byzantium in the medieval world in the VII–XII centuries. Vizantija mezhdru Zapadom i Vostokom. Opyt istoricheskoj harakteristiki. Saint-Petersburg, Aletejja, 2001 [In Russian].
18. Martynov O.P. On the reasons for the divergence of the worldviews of the Christian East and West. Rjazanskij bogoslovskij vestnik. 2018; (2):54–68 [In Russian].
19. Orlov M. Religious and cultural factor as a condition for the transformation of international and legal relations. Vlast', 2008; (5): 66–69 [In Russian].
20. Perepelkin L.S. Phobias in the Europe as a mechanism of intercivilizational disengagement. Voprosy social'noj teorii: Nauchnyj al'manah. 2018; 10: 80-89 [In Russian]. DOI: 10.30936/222779512018108089.
21. Posnov M.E. Christian Church History (before the division of the Churches – 1054). Kyiv: Christian. Charitable-educational association «Put' k istine», 1991 [In Russian].
22. Runciman S. Eastern schism. Byzantine theocracy. Moscow: Vostochnaja literature, 1998 [In Russian].
23. Salnikov V.P., Romanovskaya L.R. “Orient” or “oxident”: which way is the Russian eagle facing? Mir politiki i sociologii. 2014; (11):11–15 [In Russian].
24. Sinaisky A. St. Petersburg: Tipografija Sankt-Peterburgskogo akcionernogo obshhestva “Izdatel'”, 1899 [In Russian].
25. Toynbee A.J. Civilization on trial the world and the west. Moscow: AST, 2011 [In Russian].
26. Treushnikov I.A. The main aspects of the problem “West – East” in the historiosophy of the unity. Vestnik Moskovskogo universiteta, Serija 7. Filosofija. 2009; (2):30–40 [In Russian].
27. Filonov V.I. The Orthodoxy and Catholicism Relationship in the context of the Europe ethnocultural self-identity: historical and political aspect. Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2017; (2):120–123 [In Russian].
28. Florya B.N. At the origins of the religious schism of the Slavic world (XIII century). St. Petersburg: Aletheya, 2004 [In Russian].
29. Fries V. Orthodoxy and Catholicism. Opposite or complementary? Brussels: Zhizn's Bogom, God, 1992 [In Russian].
30. Shishova M.I. The problem of relations between the state and the church in the religious and philosophical concept of the metaphysics of culture. Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2014; 15 (4): 260–267 [In Russian].
31. Schmemmann A. All the monarchs of the world: Ancient Greece, Ancient Rome, Byzantium / Ed.K. Ryzhova. Moscow, Veche, 1999 [In Russian].
32. Spengler O. The Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History. Moscow: Mysl, 1993 [In Russian].
33. Barakhvostov P. The Inheritance Rights in the Process of Formation and Evolution of Institutional Matrices. Mir Rossii. 2022, 31(2):163–173 [In English]. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-2-163-173.
34. Beck U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes. The risk society and beyond: critical issues for social theory / B. Adam, U. Beck, J. Van Loon (Eds.). London: Sage Publications. 2007:211–230 [In English].
35. Hodgson G.M. What is the essence of institutional economics? Journal of Economic Issues. 2000. 34 (2):317–329 [In English].
36. North D.C. Institutions. Journal of Economic Perspectives. 1991; 5 (1):97–112 [In English].
37. Wittfogel K.A. Oriental Despotism. Comparative study of total power. New Haven, London: Yale University Press, 1963 [In English].

About the author

Pavel A. BARAKHVOSTOV. CandSc (Polit.). Associate Professor of the Department of Political Science, Belarusian State Economic University, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Address: 26, Partizansky Prospekt, Minsk, 22070, Belarus, barakhvostov@yandex.by

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 10, 2023. Approved after peer review: December 25, 2023.

Accepted for publication: January 14, 2024. Published: March 20, 2024.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.